

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ Орган правления Союза советских писателей СССР ГАЗЕТА

№ 85 (2468)

Суббота, 23 октября 1948 г.

Цена 40 коп.

ПРАЗДНИК НАШЕГО ЦЕХА

Каждый свободный вечер я и мой друг вальцовщик Виктор Мацап бывали в театре. Недавно мы подсчитали—оказалось, что после войны я посмотрел и прослушал 123 драматических и оперных спектакля, а Мацап — около ста.

Самым дорогим и любимым театром для меня всегда был Московский Художественный.

Актеров МХАТ я узнал задолго до того, как впервые переступил порог этого театра. Со школьных лет помнил я М. Тарханова по кинофильму «Юность Максима», где он играл Поливанова. Очень простой, добродушный человек, с умными и серьезными глазами был передо мной. Казалось, я знал его когда-то раньше, встречал в жизни. Потом я видел Тарханова в фильме «Петр Первый», в том же фильме и в «Грозе» — Тарасову, в «Гобсеке» — Леонидова, в картине «Человек в футляре» — Хмелева и Андровскую, в «Дубровском» — Ливанова...

Когда мы окончили ремесленное училище и стали рабочими, на первый же свой заработок купили билеты в Художественный театр. Давали «Три сестры» Чехова. Этот спектакль произвел на меня такое впечатление, что через некоторое время я пошел на него вторично.

Роль Тузенбаха играл замечательный актер Н. Хмелев. Я до сих пор вспоминаю этого человека, не образ, не актера, а именно живого человека. Некрасивый, бледный, серый, он вначале не производил большого впечатления. Я не обратил на него внимания. Гораздо ярче казались остальные действующие лица — старый пьяница-доктор, хмурый штабс-капитан Соленый, веселые офицеры Федотик и Родэ. Но я и сам не заметил, как Хмелев—Тузенбах постепенно захватил меня. Я уже следил за ним, за его мечтами и тоской, за его любовью и надеждами. Он ни разу не повысил голоса, не сделал ни одного эффектного движения. Но свои пророческие слова о том, что через 25—30 лет работать будет уже каждый человек, он произнес так проникновенно, что до сих пор я вспоминаю их.

После спектакля мы долго шли молча. Уже возле самого дома, у заставы Ильича, мой друг задумчиво сказал:

— Все я этого Тузенбаха вспоминаю. Как живой перед глазами стоит!

За это я и любил и люблю по сей день Художественный театр: за правдивость и настоящую жизненность.

Помню другой замечательный спектакль — «Глубокая разведка» А. Крона — об отношении советских людей к своему труду. Он пробудил во мне много мыслей. Пришло уже время, о котором мечтал чеховский Тузенбах, — все люди трудятся, труд стал делом чести, доблести и героизма.

После этого спектакля я узнал Болдумана, Топоркова, Прудкина, Белокурова. После «Школы злословия» я полюбил Андровскую, Яншина, Ёгорову, Массальского. Каждое посещение театра было для меня настоящим праздником. На другой день в цехе мы подробно рассказывали товарищам о своих впечатлениях. И все больше желающих было пойти в этот театр.

Юбилей МХАТ — праздник нашего цеха.